

ЭКОНОМИКА

ИЗМЕРИТЬ ТО, ЧТО ВАЖНО

Валовой внутренний продукт (ВВП) — один из ключевых экономических показателей. Одержимость им привела к снижению уровня счастья, ухудшению здоровья и некорректной оценке состояния окружающей среды. По мнению ученых, пришло время заменить этот показатель

Джозеф Стиглиц

ОБ АВТОРЕ

Джозеф Стиглиц (Joseph E. Stiglitz) — профессор Колумбийского университета, главный экономист Института Рузвельта. В 2001 г. получил Нобелевскую премию по экономике. С 1995 по 1997 г. возглавлял Совет экономических консультантов при президенте США Билле Клинтоне. С 1997 по 2000 г. занимал должность главного экономиста и старшего вице-президента Всемирного банка. В 2008–2009 гг. возглавлял Комиссию по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса (СМЕРСП), учрежденную президентом Франции Николя Саркози, а в 2013–2019 гг. — группу экспертов по разработке мер по обеспечению благосостояния и устойчивости в ОЭСР.

Вскоре после окончания Второй мировой войны многие страны выбрали валовой внутренний продукт (ВВП) в качестве ключевого показателя для оценки своего уровня процветания и благосостояния. ВВП измеряет объемы рынка, стоимость товаров и услуг, произведенных во всех отраслях экономики в течение определенного периода времени, как правило, за год. Со временем по этому показателю стали оценивать эффективность работы руководства той или иной страны. Неудивительно, что правительства считают рост ВВП одной из важнейших государственных задач. Однако стремление к росту ВВП — далеко не то же самое, что обеспечение благосостояния общества.

«ВВП измеряет все, — сказал сенатор Роберт Кеннеди, — за исключением того, что делает жизнь достойной». Это число не может выразить уровень здоровья и образования, равенство возможностей, состояние окружающей среды и многие другие показатели качества жизни. ВВП даже не измеряет важнейшие особенности экономики, такие как, например, ее устойчивость: движется ли она к краху или процветанию. Но оценка этого и подобных показателей и измерения в целом важны хотя бы потому, что они становятся руководством к действию. Американцы получили первое представление об этой причинно-следственной связи во время войны во Вьетнаме: акцент был сделан на «количестве тел» — еженедельной таблице с подсчетом убитых вражеских солдат. Опора на эту

патологическую метрику побудила Вооруженные силы США предпринимать операции, которые не имели иной цели, кроме как увеличение количества убитых. Слово пьяный ищет свои ключи под фонарным столбом лишь потому, что там светло. Акцент на подсчете тел не позволил увидеть общую картину: из-за этой бойни число вьетнамцев, готовых присоединиться к Вьетконгу, резко возросло и превысило число жертв.

Сегодня уже другой «подсчет тел» — жертв коронавирусной инфекции *COVID-19* — оказывается новым и весьма неплохим показателем социальной эффективности, который слабо коррелирует с ВВП. США — самая богатая страна в мире, чей ВВП составил более \$20 трлн в 2019 г. Не страна, а высокоэффективный экономический двигатель,

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

- Валовой внутренний продукт (ВВП) практически повсеместно используется для оценки состояния общества. На самом деле это лишь показатель активности рынка, не более.
- Мировой экономический кризис 2008 г. подчеркнул необходимость создания более эффективных способов измерения состояния и устойчивости экономики и общества.
- За последнее десятилетие ведущие ученые разработали целый набор показателей, отражающих состояние общества и экономики. Их цель — помочь странам ориентироваться на будущее, которого желают их граждане. Отдельные страны уже используют эти показатели в процессе принятия политических и экономических решений.

гоночный автомобиль, способный обогнать любого. Однако в июне в США было зарегистрировано более 100 тыс. смертей, в то время как во Вьетнаме (с ВВП \$262 млрд, что составляет всего 4% ВВП США на душу населения) смертность от COVID-19 была и остается нулевой. В Гонке, где на карту были поставлены человеческие жизни, эта менее процветающая страна легко обошла Америку на повороте.

Фактически американская экономика больше похожа на обычную машину, владелец которой избавился от запаски, чтобы сэкономить на бензине, — хорошая идея, пока не спустило колесо. Стремление повысить ВВП в ожидании того, что это само собой приведет к росту благосостояния, я называю ВВП-мышлением. И оно завело нас в тупик. Экономика, максимально эффективно использующая свои ресурсы в краткосрочной перспективе, покажет более высокий ВВП в текущем квартале или за отчетный год. Однако стремление максимизировать этот макроэкономический показатель приводит к тому, что на микроэкономическом уровне бизнес вынужден сокращать свои затраты и стремиться к достижению максимально возможной краткосрочной прибыли. Подобная близорукость неизбежно ставит под угрозу эффективность экономики и благосостояние общества в долгосрочной перспективе.

Например, некоторое время назад Министерство здравоохранения и социальных служб США с гордостью сообщало об эффективном использовании больничных коек: ни одна кровать не оставалась невостребованной. В результате когда коронавирусная инфекция добралась до Америки, на 1 тыс. человек приходилось только 2,8 больничных койки — гораздо меньше, чем в других развитых странах. Система здравоохранения не смогла вовремя и эффективно справиться с таким наплывом пациентов. Неоплачиваемый отпуск по болезни на мясокомбинатах увеличил прибыль предприятий в краткосрочной перспективе, что привело и к увеличению ВВП. Но в этом случае заболевшие рабочие не могли позволить себе остаться дома и были вынуждены выйти на работу, что привело к распространению инфекции. Аналогично в связи с тем, что Китай производил защитные медицинские маски по более низкой цене, США было выгоднее импортировать их из-за рубежа, чем производить самим. Вследствие этого после начала пандемии и резкого роста спроса на маски в самом Китае персонал многих больниц США испытал их острую нехватку. В итоге неустанное стремление максимизировать ВВП в краткосрочной перспективе нанесло вред здравоохранению, вызвало финансовую нестабильность, снизило экономическую устойчивость и эластичность, сделав американцев более уязвимыми к потрясениям, чем граждан других стран.

Вплоть до 2000-х гг. ВВП-мышление одерживало верх. В предшествующие десятилетия европейские экономисты, видя успех США в росте ВВП, поощряли и своих лидеров следовать экономической политике в американском стиле. Эта картина начала меняться после первых признаков кризиса банковской системы США в 2007 г. Так, президент Франции Николя Саркози осознал, что любой политик, настойчиво стремящийся к росту ВВП и пренебрегающий другими показателями качества жизни, рискует потерять доверие общества. В январе 2008 г. он попросил меня возглавить международную Комиссию по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса (СМЕПСП). Перед группой экспертов стоял вопрос: каким образом страны могут усовершенствовать методы измерения своего благосостояния и социального прогресса? Саркози справедливо полагал, что измерение того, что делает жизнь достойной, станет первым важным шагом к осуществлению этого.

По совпадению наш первоначальный доклад 2009 г., вызывающе озаглавленный «Неверно оценивая нашу жизнь: почему ВВП не имеет смысла?», был опубликован сразу после того, как мировой финансовый кризис продемонстрировал необходимость пересмотра ключевых ортодоксальных принципов экономической теории. Доклад этот вызвал такой позитивный отклик, что Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), аналитический центр которой обслуживает 37 ведущих мировых держав, решила продолжить работу с группой экспертов комиссии. После шести лет консультаций и дискуссий мы укрепили и усилили наш предыдущий вывод: ВВП необходимо свергнуть с пьедестала. Вместо этого каждая страна может составить свою собственную панель индикаторов, включающую ограниченный набор показателей, анализ которых помог бы направить развитие страны в сторону, наиболее приемлемую для ее граждан. В дополнение к ВВП, предназначенному исключительно для измерения рыночной активности, такая панель будет включать показатели здоровья, устойчивости и любых других ценностей, к которым стремятся люди данного государства, равно как и показатели неравенства, отсутствия безопасности и других вредоносных факторов, которые они стремились бы уменьшить.

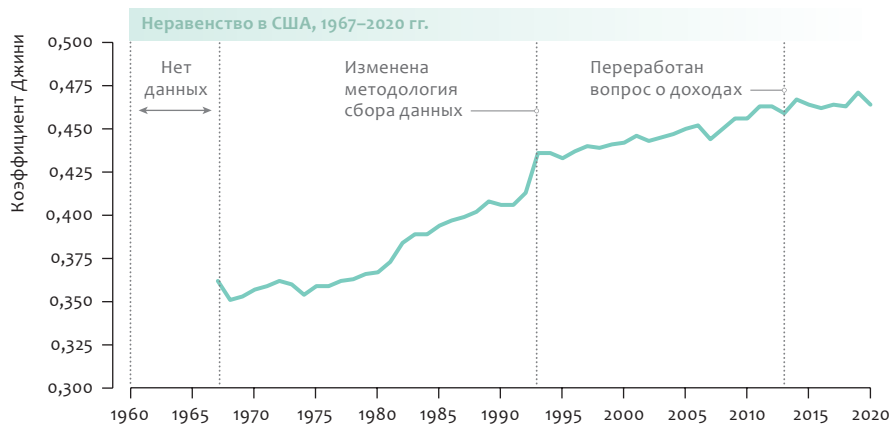
Опубликованные результаты исследований помогли явственнее обозначить глобальный процесс по улучшению методов измерения социального и экономического здоровья. В рамках своей инициативы под названием «Индекс лучшей жизни» ОЭСР рекомендует 11 показателей и дает возможность любому желающему оценить уровень жизни в своей стране и сравнить с другими, основываясь на параметрах, которые ему безразличны. Всемирный банк и Международный валютный

Измерение благополучия

Валовой внутренний продукт (ВВП) измеряет общее количество товаров и услуг, произведенных в экономике за определенный период, обычно за год. Несмотря на то что его часто используют для оценки состояния общества и экономики, это всего лишь мера рыночной активности, не более. После мирового экономического кризиса 2008 г. возникло глобальное движение, заменившее ВВП целой системой показателей — панелью индикаторов, которые могут помочь направить развитие страны в сторону более здорового и устойчивого будущего.

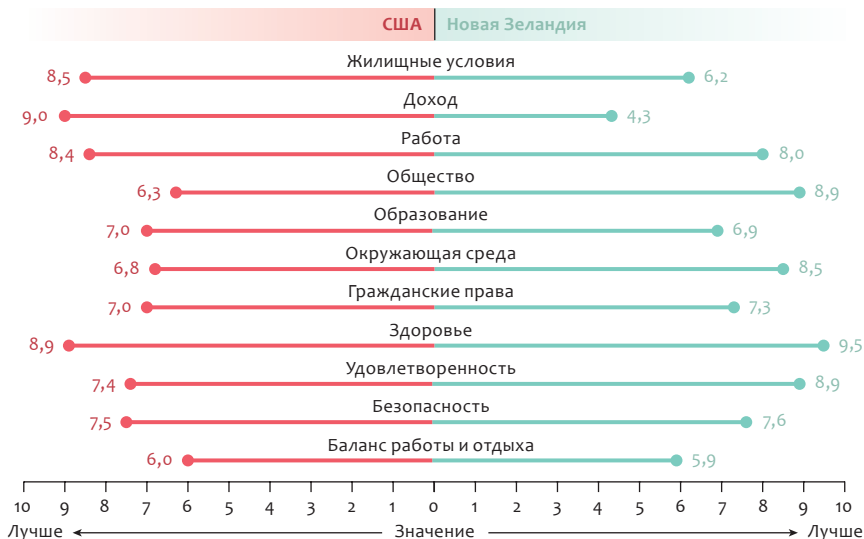
Израдная доля

ВВП на душу населения вычисляется путем деления ВВП на численность населения страны и может увеличиваться, даже если качество жизни большинства людей в стране ухудшается. Ключевым показателем расхождения между ВВП и социальным благополучием признано неравенство. Например, ВВП США неуклонно рос с 1960-х гг., однако при этом имело место и экономическое неравенство: три самых богатых человека в США обладают большим богатством, нежели вся более бедная половина населения страны. Пандемия лишь усугубила положение.

Качество жизни

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) разработала 11 критериев качества жизни. В таблице сравниваются показатели двух членов ОЭСР по этим критериям. Несмотря на то что доход на душу населения в США намного выше, чем в Новой Зеландии, последняя имеет лучшие показатели по качеству окружающей среды и здоровья, удовлетворенности жизнью, а также по чувству общественной и гражданской активности.

SOURCES: WORLD BANK (GDP data); U.S. CENSUS BUREAU (inequality data); ORGANIZATION FOR ECONOMIC CO-OPERATION AND DEVELOPMENT (Better Life Index data); Graphic by Amanda Montazeri

фонд (МВФ), традиционные и активные сторонники ВВП-мышления, теперь также уделяют внимание окружающей среде, неравенству и устойчивости экономики.

Несколько стран даже приняли этот подход в свои политические программы. Например, Новая Зеландия включила показатели «благополучия» в бюджет страны в 2019 г. По словам министра финансов страны Гранта Робертсона (Grant Robertson), «наша цель — сделать Новую Зеландию отличным местом и для жизни, и для заработка». Особое внимание к благополучию может частично объяснить победу страны над COVID-19, который, по-видимому, был ликвидирован после примерно 1,5 тыс. подтвержденных случаев заражения и 20 смертей при общей численности населения почти в 5 млн человек.

Яблоки и боеприпасы

Голь на выдумки хитра. Вышеописанная панель индикаторов возникла из острой необходимости и невозможности использовать ВВП как показатель благополучия, о чем свидетельствует мировой экономический кризис 2008 г. Но в свое время то же самое произошло и с ВВП. Едва ли во времена Великой депрессии официальные лица в США могли определить причины этого кризиса. Правительство не придавало значения сбору статистики ни по инфляции, ни по безработице, что помогло бы эффективно управлять экономикой. Поэтому Министерство торговли поручило экономисту Саймону Кузнецу из Национального бюро экономических исследований создать систему национальных счетов. В 1940-х гг. Кузнец продолжил разрабатывать концепцию ВВП как простого показателя, который можно было рассчитать на основе чрезвычайно ограниченных рыночных данных, доступных в то время. Совокупность всех товаров и услуг (в долларовом эквиваленте), произведенных в стране, была равноценна сумме всех доходов: заработной платы, прибыли, ренты и налогов. За эту и другие работы он получил Премию Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля в 1971 г. (Экономист Ричард Стоун (John Richard Nicholas Stone), создавший аналогичные системы национальных счетов для Великобритании, получил эту премию в 1984 г.)

Однако Кузнец неоднократно предупреждал, что ВВП измеряет только рыночную активность и его не следует принимать за показатель социального или даже экономического благополучия. Это безликое число включало в себя множество товаров и услуг, которые могли быть вредными (включая, по его мнению, боеприпасы) или бесполезными (финансовые спекуляции), или же исключало многие важные услуги, которые могли быть бесплатными (например, сектор домашних хозяйств). Основная сложность в создании

такого совокупного показателя заключалась в том, что не существует естественной и универсальной единицы измерения стоимости даже для яблок и апельсинов, не говоря уже о таких несопоставимых вещах, как боеприпасы, финансовые спекуляции или труд в домашнем хозяйстве. Поэтому экономисты пользуются ценами как показателями стоимости, полагая, что на конкурентном рынке цены отражают то, как люди оценивают яблоки, апельсины, боеприпасы, спекуляции или труд по отношению друг к другу.

Весьма сомнительное предположение о том, что цена измеряет относительную стоимость, позволило сильно упростить подсчет ВВП. По мере того как США восстанавливались после депрессии, наращивая производство и потребление материальных благ (в частности, вооружений и боеприпасов во время Второй мировой войны), ВВП быстро рос. Всемирный банк и МВФ начали финансировать программы развития в бывших колониях по всему миру, оценивая их успех почти исключительно с точки зрения роста ВВП. В дальнейшем экономисты еще больше сосредоточились на особенностях сравнения ВВП разных стран в различные периоды времени, на построении сложных экономических моделей, которые предсказывали и объясняли изменения ВВП, начисто упуская из виду относительную ценность и применимость этого показателя как такового. Даже студентам экономических факультетов не всегда рассказывали о допущениях, которые использовались при его подсчете, а также о том, какое значение эти допущения имели для достоверности любых сделанных ими выводов. Целью экономического анализа стало объяснение поведения этого искусственно созданного объекта. ВВП превратился в «мирового лидера»: хорошая экономическая политика отныне — та и только та, что эффективнее других способствует росту ВВП.

В 1980 г. после периода на первый взгляд низких экономических показателей и стагнации, отмеченной экономическим спадом и ростом цен, президент Рональд Рейган вступил в должность, обещая активизировать экономику. Он принял решение нарушить сложившийся баланс финансового сектора и снизил налоги для богатых, утверждая, что прибыль «тонкой струйкой просочится» к менее удачливым и обеспеченным. Несмотря на то что ВВП несколько вырос (хотя и был значительно ниже, чем в первые десятилетия после Второй мировой войны), неравенство резко увеличилось. Прекрасно отдавая себе отчет в том, что значения финансовых показателей сами по себе оказывают влияние на экономику и жизнь в целом, некоторые члены администрации выступали за прекращение сбора статистических данных о неравенстве. Чем меньше американцы знали бы о нем, тем меньше бы беспокоились об этом.

Администрация Рейгана инициировала беспрецедентную программу, напрямую угрожающую окружающей среде. Например, она выдала договоры аренды на добычу ископаемого топлива на миллионах гектаров государственных земель. В 1995 г. я вступил в Совет экономических консультантов при президенте Билле Клинтоне. Опасаясь, что существующие показатели уделяют слишком мало внимания истощению ресурсов и ухудшению состояния окружающей среды, совместно с Министерством торговли мы занимались разработкой нового экономического показателя — «зеленого» ВВП, который учитывал бы такие потери. Когда слух об этом дошел до представителей Конгресса США от угольных штатов, они пригрозили прекратить финансирование нашей программы, если работа не будет прекращена. Мы подчинились.

Если бы американцы поняли, насколько плохо уголь вписывается в картину «правильно измеренной» экономики, они немедленно потребовали бы отмены скрытых субсидий, которые получает угольная промышленность. И политики это прекрасно понимали. Возможно, это даже привело бы к ускорению перехода на возобновляемые источники энергии. Однако наши попытки по расширению существующих экономических показателей

потерпели неудачу. Впрочем, тот факт, что представители угольных штатов готовы были потратить существенную часть своего политического капитала для того, чтобы нас остановить, убедил меня в том, что мы движемся в правильном направлении и близки к открытию чего-то важного. И это также означало, что, когда десятилетие спустя Саркози обратился ко мне с просьбой возглавить международную комиссию для изучения более эффективных способов «измерения экономических показателей и социального прогресса», я с радостью ухватился за эту возможность.

Я покинул Совет экономических консультантов в 1997 г., а в последующие годы пыл эпохи Рейгана по разбалансировке экономики охватил и администрацию Клинтона. Финансовый сектор экономики США резко вырос, что привело к подъему ВВП. На деле же многие из тех прибылей, которые дали этому сектору такой вес, были в некотором смысле фальшивыми. Банковская практика кредитования привела к появлению на рынке недвижимости пузыря, искусственно увеличившего прибыль. Предполагается, что в идеальной рыночной экономике рост прибыли должен отражать повышение общественного благосостояния, однако банковские сборы это опровергают. В этом случае большая часть прибыли была результатом

ухудшения чьего-либо благосостояния. Например, в том случае, когда банки занимались недобросовестными действиями с кредитными картами или манипулировали ЛИБОР (Лондонской межбанковской процентной ставкой, выгодной для международных банков, кредитующих друг друга), чтобы увеличить свои доходы.

Тем не менее показатели ВВП приняли эти завышенные цифры за чистую монету, убедив политиков в том, что для наиболее эффективного роста экономики необходимо устранение оставшихся нормативных актов, ограничивающих финансовый сектор. Давние запреты на ростовщичество — взимание непомерных процентных ставок с целью воспользоваться неосторожностью заемщиков — были сняты. В 2000 г. был принят так называемый Закон о модернизации товарных фьючерсов (CFMA). Суть его заключалась в том, чтобы производные финансовые инструменты (деривативы, весьма рискованные договоры, которые внесли значительный вклад в разрушение финансовой системы всего лишь восемь лет спустя) никогда не регулировались. Принятый в 2005 г. закон усложнил процедуру банкротства для тех, у кого возникли проблемы с оплатой счетов, погашающих долги, а для обладателей студенческих займов это стало практически невозможным.

К началу 2000-х гг. две пятых прибыли корпораций приходились на финансовый сектор. Это должно было сигнализировать о том, что что-то идет не так: эффективный финансовый сектор должен повлечь за собой низкие затраты на участие в финансовых операциях, следовательно, его доля должна быть небольшой. В нашем случае она была огромной. Такое положение на рынке привело к росту прибыли, росту ВВП, но, как оказалось, и к нестабильности.

Опиоиды и ураганы

Пузырь лопнул в 2008 г. Банки без разбора выдавали ипотечные кредиты, предполагая, что цены на недвижимость будут продолжать расти. Вслед за пузырем, лопнувшим на рынке недвижимости, рухнула и экономика. Ситуация оказалась хуже, чем после окончания Второй мировой войны. После того как правительство США спасло банки (одна только страховая компания AIG получила правительственную помощь в размере \$130 млрд), показатели ВВП стабилизировались, убедив президента Барака Обаму и Федеральный резерв объявить, что страна уже на пути к восстановлению. Однако вследствие того, что 91% прироста доходов в период с 2009 по 2012 г. пришелся менее чем на 1% населения, большинство американцев этого просто не почувствовали.

Поскольку страна постепенно выходила из финансового кризиса, внимание на себя обратили другие проблемы: кризис неравенства, климатический

кризис и опиоидная эпидемия. Несмотря на то что ВВП продолжал расти, продолжительность жизни и другие показатели здоровья ухудшались. Продовольственные компании производили и с все возрастающей изобретательностью продавали продукты, богатые сахаром и вызывающие привыкание, тем самым способствуя росту ВВП и одновременно ускоряя эпидемию детского диабета. Опиоидная зависимость привела к эпидемии и резко возросло число смертей из-за наркотиков, однако прибыль фармацевтической компании *Purdue Pharma* и других участников этой драмы была учтена при подсчете ВВП. Мало того: в результате этих кризисов выросли расходы в области здравоохранения, что также увеличило ВВП. Затраты в сфере здравоохранения на душу населения в США вдвое превышали аналогичные во Франции, но продолжительность жизни была меньше. Аналогичным образом добыча угля, по всей вероятности, способствовала не только росту экономики, но и изменению климата, что привело к усугублению воздействия ураганов, таких как «Харви» в 2017 г. А все усилия по восстановлению и устранению последствий вновь добавили к ВВП. Этот показатель придал оптимистический блеск наихудшим из событий.

Приведенные примеры иллюстрируют различие между ВВП и общественным благосостоянием, а также то, что ВВП нельзя считать эффективным экономическим показателем. Рост ВВП до 2008 г. не был ни устойчивым, ни непрерывным. Увеличение банковских доходов, подпитывавших ВВП перед кризисом, происходило не только за счет благосостояния многих людей, которых эксплуатировал финансовый сектор, но и за счет ВВП в последующие годы. Рост экономического неравенства в любом случае нанес ущерб нашему обществу, однако ВВП праздновал успехи банков. Если когда-либо и происходило событие, указывающее на необходимость введения новых способов измерения экономических показателей и социального прогресса, то кризис 2008 г. безусловно был таковым.

Панель индикаторов

Комиссия, во главе которой стояли три экономиста: Амартья Сен (Amartya Kumar Sen) из Гарвардского университета, Жан-Поль Фитусси (Jean-Paul Fitoussi) из парижского Института политических исследований и я, — опубликовала свой первый доклад в 2009 г., сразу после краха финансовой системы США.

Фактически мы предложили ввести новые показатели экономического роста и благосостояния, вычисление которых было бы не сложнее, чем, скажем, подсчет доли американцев, испытывающих трудности с refinансированием своих ипотечных кредитов. Эти новые показатели смогли бы пролить свет на ключевые особенности бурного

экономического роста, предшествовавшего кризису, и, возможно, позволили бы политикам отразить его. Но еще важнее построение набора специальных показателей экономического роста, благосостояния и устойчивости (панели индикаторов), ориентированного на нынешний день с целью защитить общество от будущих потрясений.

Необходимо отдавать себе отчет в том, что происходит вместе с ростом ВВП. Увеличивается ли задолженность или истощаются ли природные ресурсы? Это может указывать на то, что экономический рост неустойчив. Если уровень загрязнения окружающей среды растет вместе с ВВП, такой рост нельзя считать экологически устойчивым. Хороший показатель истинного здоровья экономики — здоровье ее граждан. Если, как в США, ожидаемая продолжительность жизни снижается

Каждой стране нужна своя панель индикаторов — набор показателей, которые будут отражать состояние общества и экономики и помогать ими управлять

(и так было еще до пандемии), это должно вызывать беспокойство независимо от уровня ВВП. Аналогично если на фоне роста ВВП средний доход семьи находится в состоянии стагнации, это означает, что плоды экономического роста не распределяются должным образом.

Безусловно, было бы неплохо разработать единственный показатель, суммирующий и отражающий все особенности экономики и общественной жизни, например ВВП плюс какое-то число. Однако, как и в случае самого ВВП, при формировании единственного итогового значения теряется слишком много нюансов и ценной информации. Представьте, например, что вы едете на машине и захотели узнать свою скорость. Спидометр показывает 100 км/ч. Кроме того, вы знаете, что горючего хватит, скажем, на 200 км. Оба эти показателя несут важную информацию, которая так или иначе может повлиять на ваше решение продолжать путь. Но представьте, что вы сформировали какую-либо «совокупность» этих чисел, например сложив их. Что скажет вам число 300? Абсолютно ничего. Оно не укажет ни на стиль вождения, ни на ваше беспокойство из-за нехватки бензина.

Вот почему мы пришли к выводу, что каждой стране нужна своя панель индикаторов — набор показателей, которые будут отражать состояние общества и экономики и помогать ими управлять. Политики и соответствующие общественные

организации должны обращать внимание не только на материальное благосостояние, но также и на здоровье, образование, досуг, окружающую среду, экономическое равенство, управление, политические взгляды, социальные отношения, физическую и экономическую безопасность и другие индикаторы качества жизни. Не менее важно, чтобы эти «товары» не покупались за счет будущего. С этой целью обществу следует сосредоточиться на сохранении и, насколько это возможно, наращивании запасов природного, человеческого, социального и физического капитала. Нами также была создана программа исследований для изучения связей между различными составляющими благосостояния и экономической устойчивости, а также для разработки эффективных способов их измерения.

Всеобщая обеспокоенность по поводу климатических изменений и растущего экономического неравенства уже подпитывала спрос на более эффективные аналитические методы, и наш доклад лишь подтвердил эту тенденцию. В 2015 г. Организация Объединенных Наций завершила весьма спорный политический процесс, продолжавшийся три года, и опубликовала перечень из 17 так называемых Целей в области устойчивого развития (ЦУР). Прогресс в их достижении должен измеряться 232 показателями, отражающими многочисленные проблемы правительств и гражданского общества всего мира. На наш взгляд, бесполезно оперировать таким количеством цифр: за деревьями можно не увидеть лес. Вместо этого другая группа экспертов, возглавляемая Жан-Полем Фитусси, главным статистиком ОЭСР Мартин Дюран (Martine Durand) и мной, рекомендовала каждой стране наладить открытый демократический диалог, чтобы выяснить, что волнует ее граждан больше всего.

Такой диалог почти наверняка покажет, что большинство из нас, тех, кто живет в высокоразвитых обществах, заботятся о своем материальном благополучии, здоровье, окружающей среде и социальных взаимоотношениях. Все мы хотим преуспевать не только сегодня, но и в будущем. Мы обеспокоены тем, как распределяются дивиденды нашей экономики, и не хотим жить в обществе, в котором прибыль достается несколькими избранным, а остальные живут в бедности.

Как уже было сказано выше, хороший показатель настоящего здоровья экономики — здоровье ее граждан. Снижение ожидаемой продолжительности жизни, даже для части населения, должно вызывать беспокойство, что бы ни происходило с ВВП. Пусть он даже растет. Важно не забывать, что если параллельно растет и уровень загрязнения окружающей среды, например в связи с выбросами парниковых газов или повышением концентрации твердых частиц в воздухе, то такой рост нельзя назвать экологически устойчивым.

Выбор показателей может меняться в разное время в различных странах. У кого-то высокий уровень безработицы, у других — ярко выраженное экономическое неравенство. Логично будет в каждой из этих стран выбрать соответствующий показатель. Тем не менее из-за естественного желания иметь возможность сравнивать уровень своего благосостояния с другими странами мы рекомендовали различным государствам использовать от пяти до десяти общих показателей.

Среди них будут и ВВП, и маркер, характеризующий степень экономического неравенства. За прошедшие годы экономисты разработали целый ряд показателей неравенства, каждый из которых отражает различные аспекты этого явления. Вероятно, что странам, наиболее остро столкнувшимся с этой проблемой, понадобится дополнительная информация. Например, им потребуются показатели, отражающие уровень бедности в крайней точке нищеты и избыток богатства при максимальных доходах. Лично мне всегда было важно знать, что происходит со средним доходом. В США, например, он почти не менялся в течение десятилетий, даже несмотря на рост ВВП.

Уровень занятости населения часто используется в качестве показателя макроэкономической эффективности. Очевидно, что экономика с высоким уровнем безработицы не применяет должным образом все свои ресурсы. Но в обществах, где оплачиваемая работа ассоциируется с человеческим достоинством, занятость сама по себе представляет ценность. В этом случае другими элементами панели индикаторов могут стать показатели ухудшения состояния окружающей среды (скажем, качества воздуха или воды), экономической устойчивости (наличие задолженностей), здоровья (ожидаемой продолжительности жизни) и отсутствия безопасности.

Оценка уровня безопасности (или ее отсутствия) может быть как объективной, так и субъективной. Можно провести исследования того, насколько неуверенно чувствуют себя люди, насколько они обеспокоены неблагоприятными последствиями какого-либо события или готовы ли они справиться с шоком. С другой стороны, можно, например, вычислить вероятность того, что кто-либо окажется за чертой бедности за определенный период времени.

Некоторые элементы панели индикаторов — это «промежуточные переменные», значения которых, конечно, могут быть ценными сами по себе, но основная их задача — формирование представлений о том, как общество будет функционировать в будущем. Один из таких параметров — доверие. Общества, в которых граждане доверяют своим правительствам и друг другу, как правило, работают лучше. Фактически общества с более высоким уровнем доверия, такие как Вьетнам и Новая

Зеландия, гораздо эффективнее справляются с пандемией, чем, например, США, где уровень доверия снизился со времен Рейгана.

Политики должны использовать эти показатели, как врачи используют свои диагностические инструменты. Как только тот или иной индикатор начал мигать желтым или красным, необходимо провести более серьезное исследование этой области. Если экономическое неравенство велико или увеличивается, важно задаться вопросом: какие именно составляющие неравенства ухудшаются?

Навигационная система

Работу над показателями благосостояния мы начали несколько десятков лет назад, и я был поражен тем резонансом, который вызвали наши исследования. Тщательный анализ отдельных элементов панели индикаторов стал неотъемлемой частью разработки политических программ во многих странах мира.

Каждые три года ОЭСР проводит международную конференцию для неправительственных организаций, статистиков, правительственных чиновников и ученых, занимающихся вопросами благосостояния. Последняя прошла в Корее в ноябре 2018 г., в ней приняли участие тысячи человек. Я уверен, что каждые три года на повестке дня этих конференций будет непременно стоять глобальный кризис, вызванный микроскопическим вирусом. Чтобы осознать все аспекты этой проблемы, могут потребоваться годы или десятилетия. А ведь ближайшее будущее готово бросить нам новые, не менее страшные вызовы: катастрофическое изменение климата и сокращение биологического разнообразия. Превосходная навигационная система — это минимум, необходимый нам для того, чтобы все это преодолеть. Можно сказать, что нам удалось создать подобные инструменты. Настало время их использовать. ■

Перевод: Д.С. Хованский

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Стиглиц Д. Нечестная экономика // ВМН, № 1–2, 2019.
- Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: почему ВВП не имеет смысла? М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
- Стиглиц Д. Люди, власть и прибыль. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. М.: Альпина Паблишер, 2020.
- Measuring What Counts: The Global Movement for Well-Being. Joseph E. Stiglitz, Jean-Paul Fitoussi and Martine Durand. New Press, 2019.